

А.П. САЛЬКОВ

БОЛГАРО-ЮГОСЛАВСКИЙ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ КОНФЛИКТ В СОВЕТСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ПОСЛЕВОЕННОГО УРЕГУЛИРОВАНИЯ (1945–1948)

Исследуется болгаро-югославский территориальный конфликт в Македонии и Западном Поморавье, принципы и способы его урегулирования. Рассматривается роль СССР в его решении с учетом своих национальных интересов.

The article analyses the territorial conflict in Macedonia and West Morava between Bulgaria and Yugoslavia, ways and principles of its settlement. It also considers the role of the USSR in its solution with regard to its national interests.

По итогам катастрофической для Болгарии Второй Балканской войны 1913 г. одной из основных спорных проблем была сербо-болгарская граница в междуречье Струмы и Вардара. Лишь при поддержке России Болгария отстояла города Струмицу, Петрич, Горна-Джумаю. Что касается территории Македонии, то по Бухарестскому миру (10 августа 1913 г.) она была разделена: Эгейская (51,0 %) отходила к Греции, Вардарская (38,8 %) – Сербии и лишь Пиринская (10,2 %) – к Болгарии.

В ходе Первой мировой войны Болгария захватила пол-Сербии и всю Македонию, но в сентябре 1918 г. сепаратно вышла из войны. На Парижской мирной конференции 1919 г. было решено отдать Королевству СХС земли к западу от болгаро-сербской границы 1913 г.: 1) район Тимошко – узкая 30-километровая полоса на правом берегу р. Тимок у его впадения в Дунай с селами Кульской околии; 2) район Цариброд – Босилеград – 150-километровая полоса шириной 10–25 км, площадь района 1545 кв. км с 108 населенными пунктами и 64,6 тыс. жителей; 3) район Струмица размером 30 на 35 км в верховьях р. Струмицы (впадает в р. Струму) с поселками Дабилья, Струмица, Ново-село, Костурино, площадь района 1021 кв. км с 74 населенными пунктами и 39,0 тыс. жителей. Предложение главы болгарской делегации Т. Теодорова (премьер-министра, депутата Народного собрания от Цариброда) превратить Западные покраины «в их исторических границах» в независимое государство под управлением Антанты было отклонено. 23 сентября 1919 г. в Цариброде и Босилеграде прошли душераздирающие траурные демонстрации болгар. Однако руководство конференции в лице Ж. Клемансо осталось непреклонным. Подписанный 27 ноября 1919 г. Нейский мирный договор закрепил новую югославно-бол-

гарскую границу, которая передвинулась на восток и была спущена с горных хребтов на равнины. Так на политической карте Балкан возник еще один национально-территориальный конфликт – Западные покраины.

Основная часть исследований¹ и публикаций документов² посвящена именно этому периоду зарождения конфликта, изучение которого после Второй мировой войны только начинается македонскими³, сербскими⁴, болгарскими⁵ и российскими⁶ историками, а также архивистами⁷ с использованием новых ранее недоступных официальных источников. Настоящая статья написана на основе опубликованных документальных сборников, материалов фонда 06 (Секретариат В.М. Молотова) Архива внешней политики РФ и новейшей исследовательской литературы.

Во время Второй мировой войны Болгария опять захватила часть Сербии и почти всю Македонию, но в сентябре 1944 г. порвала с фашистским блоком. Первоначальная сверхжесткая советская позиция по отношению к Болгарии, развившаяся на московских переговорах И. Сталина с У. Черчиллем в октябре 1944 г. в намерениях ее территориального урезания⁸, сменилась стремлением Москвы урегулировать болгаро-югославский конфликт в своих интересах. К весне 1946 г. в НКВД СССР утвердилась концепция одновременного решения проблем Македонии и Западных покраин в рамках создания союзной Балканской федерации. Обмен мнениями между И. Броз Тито и Г. Димитровым шел через югославского посланника в Софии Ковачевича. Тито передал 15 апреля 1946 г., что считает пока нецелесообразным заключать союзный договор, а вопрос Западных покраин следует решать одновременно с присоединением Пиринской Македонии к Вардарской. 22 мая того же года Ковачевич выезжал в ФНРЮ для урегулирования проблем

населения Западных покраин. В Белграде его относили к особой этнической группе шопов и считали сербским по языку и культуре. На переговорах в Москве 5–7 июня 1946 г. с участием И. Сталина, В. Молотова, Г. Димитрова, И. Броз Тито, А. Ранковича обсуждались перспективы федерирования, в частности, заключение союзного договора решили отложить до подписания мирного договора с Болгарией. Вместе с тем была создана совместная партийная комиссия по вопросу Западных покраин и Пиринской Македонии⁹. Поэтому в августе 1946 г. на Пленуме ЦК БКП Г. Димитров заявлял, что нет трех Македоний, а есть только одна. Касательно же Пиринской Македонии недостаточно декларировать, что македонцы отдельный народ, нужно готовить ее население к автономии и предстоящему присоединению к Народной Республике Македонии (НРМ)¹⁰.

Международное положение Болгарии улучшилось после Парижской мирной конференции (июль – октябрь 1946 г.), утвердившей текст мирного договора с ней. Это позволило Москве вернуться к идее болгаро-югославской федерации и связанному с ней территориальному урегулированию. Советский посланник в Софии С. Кирсанов подготовил справку «Об урегулировании территориальных вопросов между Болгарией и Югославией, о восстановлении болгарских и югославских частей Македонии и о заключении союза между Болгарией и Югославией» от 4 сентября 1946 г. В ней подчеркивалось, что «сейчас мы с полным основанием можем дать Болгарии и Югославии согласие на заключение союзного договора». Одновременно с этим «должны быть урегулированы и территориальные вопросы, существующие между Болгарией и Югославией, – вопрос о так называемых “западных покраинах”, принадлежащих сейчас Югославии, и македонский вопрос. Эти вопросы могут быть урегулированы путем передачи “западных покраин” в обмен на болгарскую часть Македонии, которая в таком случае воссоединяется с югославской частью Македонии»¹¹.

В справке высказывалась мысль, что воссоединение двух частей Македонии, «произведенное как присоединение болгарской части Македонии к автономной Македонской Народной Республике, уже само по себе представляет крупный шаг вперед в деле объединения расчлененной между тремя государствами (Болгарией, Югославией и Грецией) Македонии и образования единой автономной Македонской республики в составе федерации южнославянских демократических республик». Кроме того, становилась очевидной весьма актуальная в тот период для Москвы антигреческая направленность планируемого урегулирования. «Это воссоединение вызвало бы значительный подъем национально-революционного движения в греческой части Македонии, что способствовало бы ускорению окончательного разрешения македонского вопроса»¹².

Концепция справки Кирсанова исходила из того, что соглашение по территориальным вопро-

сам является неизбежным этапом на пути к болгаро-югославской федерации. Урегулирование же территориального спора между двумя странами «нельзя откладывать до их федерации». Отношения не могут быть действительно союзными, если территориальные вопросы не будут решены «по взаимному соглашению окончательно». Поэтому путь к будущей федерации «идет через воссоединение болгарских и югославских частей Македонии». Расширенная за счет болгарской части НРМ «будет в этом виде выполнять свои подлинные функции не разделения, а связи между болгарским и югославским народами». В справке трактовались в упрощенном виде геополитические интересы СССР на Балканах. Была выражена уверенность, что одновременно заключенные союзное и территориальное соглашения между Болгарией и Югославией «усиливают под нашим влиянием обе эти славянские страны и ослабляют неславянские государства Балканского полуострова, в первую очередь Грецию. Это будет нашим дипломатическим наступлением на Англию и одновременно обороной этих двух славянских государств против империалистических поползновений Греции». Автор справки отдавал отчет, что для Югославии выгоды этих соглашений «совершенно очевидны». Однако «несколько сложнее будет обстоять дело с Болгарией, поскольку передаваемая ею македонская территория больше, чем получаемая ею территория “западных покраин”, и поскольку здесь еще не изжиты остатки великоболгарского шовинизма». Найденный в справке выход представляется утрированно простым: если «подойти более тщательно» к определению границ Западных покраин и границ болгарской части Македонии, то «разницу в размерах этих территорий можно свести к такому минимуму, который не вызовет каких-либо серьезных возражений в Болгарии». Так, если принять за восточную границу болгарской Македонии горный хребет Пирин-Планина, отодвинув ее на запад, то эта разница уже значительно уменьшалась. Понимая, что это трюкачество, Кирсанов делает примечание: «Обычно восточной границей Македонии считают реку Месту. Горный хребет Пирин-Планина является водоразделом между реками Места и Струма»¹³.

Ключевое для советской разработки предложение о воображаемом переносе границы исторически сложившегося края требует комментария. Оно не учитывало трех обстоятельств: 1) если передвинуть восточную границу Македонии на запад – с верхнего течения Месты на хребет Пирин-Планина, то у Болгарии оставались бы восточные отроги этого хребта с городами Разлог (Мехомия), Банско, Неврокоп. Однако это скромное приобретение не шло ни в какое сравнение со связанными с советским планом потерями; 2) любой размен Болгарией Македонии на Западные покраины (даже в случае передвижения восточной границы Македонии на запад) означал бы отказ Болгарии от второго по величине

участка Западных покраин, лежащего еще гораздо западнее, – района Струмицы; 3) восточная граница Македонии (в болгарской части) самими македонскими деятелями и идеологами проводилась не по верховьям Месты, а еще восточнее – по гряде Западных Родоп. На нижнее течение Месты граница выходила уже на территории греческой Македонии. Между тем в распоряжении советской делегации на мирной конференции имелась достаточно подробная карта (1 см = 10 км на местности) Генерального штаба Красной Армии с нанесенными на нее 3 сентября 1946 г. границами Западных покраин и всей этнографической Македонии. Поэтому приведенные выше три обстоятельства, хотя они и не были высказаны, скорее всего, были очевидны для делегатов и учитывались в их работе¹⁴.

Понимая слабость своей аргументации, Кирсанов подкрепил ее ссылками на Программу Отечественного фронта. Она действительно предусматривала самую тесную связь Болгарии с новой Югославией «для окончательного и братского разрешения спорных вопросов», а решение македонского вопроса видела как «предоставление македонскому народу права на самоопределение». Из этого в справке делался вывод, что союзные и территориальные соглашения Болгарии и Югославии «полностью укладываются» в рамки внешнеполитической программы ОФ. Македонский же вопрос в условиях существования автономной НРМ в составе Югославии может быть решен «лишь путем присоединения остальных частей Македонии к этой Республике»¹⁵. Несмотря на явную ущербность для Болгарии плана территориального урегулирования, Пленум ЦК БРП (к.) принял в августе 1946 г. решение о присоединении болгарской части Македонии к НРМ в составе ФНРЮ на основе союзного договора, который одновременно предусматривал возвращение Болгарии Западных покраин. Было также предложено, чтобы между НРМ, расширенной за счет болгарской Македонии, и Болгарией «не существовало таможенных или других границ, как не существует их между Македонией и остальной частью Югославии», что мотивировалось будущей болгаро-югославской федерацией¹⁶.

Правая болгарская оппозиция в ОФ (БЗНС – Петков) выдвинула «голый лозунг автономной Македонии», не указывая, каким образом и в составе какого государства должна быть создана автономная Македония. Этот лозунг, по оценке советского посланника, воспринимался как реакционный и антиюгославский, которому «не достает лишь этикетки – “изготовлено в Лондоне”». Он считал, что отрицательное отношение англоамериканцев к планируемым соглашениям «не должно останавливать нас», а каких-либо существенных осложнений в отношениях с Англией и США эти соглашения вызвать не могут¹⁷.

Справка Кирсанова во многом объясняла особенности советской политики на Балканах. Во-первых, предлагалось заявить болгарам и югославам, что с советской стороны уже нет возра-

жений против союзного и территориального соглашений на основе их взаимного согласия при условии, что переговоры будут вестись «в совершенно секретном порядке», а соглашения подпишут и опубликуют после окончания Парижской мирной конференции. Данное заявление надлежало сделать «немедленно вслед за выборами» в Великое Народное собрание Болгарии (состоялись 27 октября 1946 г.). Во-вторых, поскольку Греция стремилась обсудить в Париже свои территориальные претензии к Албании в отношении Северного Эпира, рекомендовать Югославии поднять македонский вопрос, хотя и «не в форме предъявления каких-либо контрпретензий на греческую часть Македонии». Следовательно привлечь внимание к политике террора и насильственной денационализации в Эгейской Македонии¹⁸. Реальные события в значительной мере отражали эти особенности. Касательно политики Софии в новейшей болгарской историографии сложилось мнение, что БКП, действуя за спиной своих союзников по ОФ, шла на уступки и компромиссы, которые полностью противоречили национальным интересам и даже означали их предательство. Это выражалось в беспрекословном принятии всех югославских требований и бездумном согласии со всеми советами из Москвы, что вело к угрозе потери Пиринского края¹⁹.

После подписания мирного договора с Болгарией (10 февраля 1947 г.) Г. Димитров направил И. Броз Тито 5 марта специальное письмо с предложением начать конкретную подготовку заключения союзного договора в качестве этапа создания федерации, считая, что инициатива должна принадлежать Югославии как ведущей стране на Балканах. В те же дни начала марта на заседании Политбюро ЦК КПЮ (на него не был приглашен ни один представитель НРМ) рассматривались советско-югославские отношения, однако болгарские архивные источники говорят об обсуждении и отношений с Болгарией. Они касались компани БКП по македонизации и культурной автономии в Пиринской Македонии. Несмотря на эти процессы в соседней Болгарии, Тито в кругу партийного руководства высказал настороженность в отношении создания федеративного государства. Он считал, что через Болгарию, которая может сыграть роль «троянского коня», советское доминирование проникнет и в Югославию²⁰.

На болгаро-югославских переговорах, проходивших 30 июля – 1 августа 1947 г. на оз. Блед (ФНРЮ), был согласован текст бессрочного договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи. По-прежнему подробно, но малопродуктивно обсуждалось формирование условий для объединения в рамках южнославянской федерации Пиринской Македонии с Вардарской Македонией и присоединения Поморавья (Западных покраин) к Болгарии. Однако И. Сталин осудил действия Г. Димитрова и И. Броз Тито фактически из-за того, что они не были согласованы с Москвой. Тем не менее в Пиринском крае уже

развернулась кампания по македонизации. Односторонние дальнейшие действия болгарского и югославского лидеров вызвали трехстороннее совещание в Москве 10–11 февраля 1948 г., на котором И. Сталин рекомендовал Югославии и Болгарии безотлагательно объединиться в федерацию, которую следовало создать уже с советского благословения²¹. Однако 19 февраля Политбюро ЦК КПЮ отклонило эту идею. Последовавший после второго совещания Коминформа (Бухарест, 19–23 июня 1948 г.) разрыв отношений СССР и членов советского блока с Югославией окончательно снял с повестки дня вопрос о южнославянской федерации²². Болгаро-югославская граница в районе Западных покраин и в Македонии осталась неизменной.

¹ См.: Искендеров П. А. Балканские войны 1912–1913 гг. // В «пороховом погребке Европы». 1878–1914 гг. М., 2003. С. 476–507; Манчев К., Гудева М. Западните покраини в българо-югославските отношения (1919–1920) // Исторически преглед. София, 1990. Кн. 7. С. 3–15; Мичева З. Проблемът за западната граница на България и българо-югославските отношения (1919–1929) // България 1300: Институции и държавна традиция: В 3 т. София, 1983. Т. 3. С. 269–280; Todorović D. Pitanje Jugoslovensko-bugarske granice na Mirovnoj konferenciji u Parizu 1919 // Istorija XX. veka. Zbornik radova IX. Beograd, 1968. S. 92–99.

² См.: Георгиев В., Трифонов С. История на Българите 1878–1944 в документи: В 3 т. Т. II. Период на войните 1912–1918. София, 1996; Тотев А. Ю., Владимирова Г. Н. Международни договори, свързани с войните за обединението на българския народ 1912–1913 г. София, 2000.

³ См.: Велжановски Н. Македонија во югославенско-бугарските односи (1944–1953). Скопје, 1998.

⁴ См.: Историја српске државности: В 3 књ. Књ. 3: Димић Љ. Србија у Југославији. Нови Сад, 2001.

⁵ См.: Ангелов В. Хроника на едно национално предастество. Опитите за насилствено денационализиране на Пиринска Македонија (1944–1949 г.). Благоевград, 1999; Димитров И. Миналото като пролог: Исторически очерци. София, 1993.

⁶ См.: Болгария в XX веке: Очерки политической истории. М., 2003.

⁷ См.: България непризнатият противник на Третия райх. Сборник документи. София, 1995.

⁸ См.: Ржешевский О. А. Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискусии: Документы, комментарии, 1941–1945. М., 2004. С. 420–436.

⁹ См.: Димитров Г. Дневник. Март 1933 – февруари 1949. Избрано. София, 2003. С. 296–299.

¹⁰ См.: Национальная политика в странах формирующегося советского блока. 1944–1948. М., 2004. С. 494.

¹¹ Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 06 (Секретариат В. М. Молотова). Оп. 8-б. П. 80. Д. 166 (Подготовительные материалы советской делегации на Парижской мирной конференции). Л. 10.

¹² Там же. Л. 11.

¹³ Там же. Л. 11–12.

¹⁴ Там же. Карта приложена к делу.

¹⁵ Там же. Л. 13–14.

¹⁶ Подробнее см.: БКП, Коминтернът и македонският въпрос (1917–1946): В 2 т. София, 1998. Т. 2.

¹⁷ См.: АВП РФ. Ф. 06. Оп. 8-б. П. 80. Д. 166. Л. 14.

¹⁸ Там же. Л. 15.

¹⁹ См.: Ангелов В. Указ. соч. С. 294–297.

²⁰ См.: Велжановски Н. Указ. соч. С. 226–227.

²¹ См.: Исусов М. Сталин и България. София, 1991. С. 68–72; Велжановски Н. Указ. соч. С. 325, 360–368.

²² См.: Совещания Коминформа, 1947, 1948, 1949. Документы и материалы. М., 1998. С. 455–462.

Поступила в редакцию 13.03.07.

Анатолий Петрович Сальков – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории южных и западных славян.